

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА АЛТАЕ В XIX В.

А. К. Андроновский
г. Садбери, Канада

Аннотация: В XIX в. многие люди считали Сибирь обширным, диким, негостеприимным пространством, куда отправляли ссыльных и преступников. Однако в свете истории Андроновских Сибирь предстает как место, где происходило активное развитие жизни их семьи, а также культурное и социальное взаимодействие с местным населением. Поляки, принявшие участие в восстании 1863 г. и высланные в Сибирь, привнесли сюда интеллектуальную жизнь, которую высоко оценили как русское население, так и представители коренных сибирских народов. Эти культурные традиции сохраняются и по сей день.

Ключевые слова: Алтай, Сибирь, ссыльные поляки, восстание, переселенцы.

RUSSIAN-POLISH-GERMAN SOCIAL AND CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE LIGHT OF MY FAMILY'S HISTORY I N ALTAY IN THE XIX CENTURY

Adam K. Andronowski
Sudbury, Canada

In the 19th century Siberia was envisioned by many people as a wild, huge, and inhospitable place for exiles and criminals, in the light of my family history Siberia became a place of flourishing family life and cultural and social interaction with the local people. Polish insurgents, exiled as a punishment for participating in the Uprising of January 1863 to Siberia, brought into this area intellectual wealth that was highly appreciated by the natives and the Russians as well. This legacy exists even today.

Key words: Altay, Siberia, Polish exiles, revolt, settlers

«На правом высоком берегу величественной сибирской реки Оби вырос провинциальный город средних размеров – Барнаул, во время моего пребывания в городе насчитывалось около 30 тысяч жителей». Эти слова принадлежат Марии Андроновской, старшей сестре моего деда Максимилиана Андроновского, и с них начинаются ее мемуары, описывающие ее жизнь в Сибири. В XIX в. Сибирь, будучи частью Российской империи, представляла собой обширную территорию, имеющую свои особенности социально-экономического и культурного развития.

Отец Максимилиана Андроновского Ипполит Иосафат происходит из польской семьи, история которой начинается с битвы при Грюнвальде в 1410 г. По семейной легенде, наш предок был чешским наемником, которому за храбрость в битве были пожалованы земля и деревня Андронов. Вначале семья носила фамилию Чехович, т.е. «один из чехов», которая со временем превратилась в

Чехович-Андроновский, т.е. «Чехович из Андропова». Позже изначальная фамилия Чехович была утрачена, и, начиная с XVI в. семья носит одну фамилию Андроновские. В венской битве 1683 г. европейская армия христиан под командованием польского короля Яна III Собеского одержала победу над завоевателями Османской империи. После битвы полковник Ян Казимир Андроновский получил признание за оборону моста через Дунай. Более поздняя история подводит нас к восстанию 1863 г., когда Ипполит Иосафат Андроновский, родившийся 2 января 1840 г. в Андронове, будучи 23-летним молодым человеком, вступил в борьбу за польскую независимость и примкнул к отряду Ромуальда Траугутта.

Максимилиан передает воспоминания своего отца: «Чтобы не навлекать последствий на семью Ипполит Иосафат прятался в соседнем поместье. Он провел в поместье Новомейских полгода, и когда восстание

дошло до Литвы в марте 1863 г., решил участвовать в борьбе. Однажды ночью Ипполит Иосафат с его отцом Игнатием (без помощи прислуги, для того, чтобы все оставалось в тайне) оседлали коня, на котором Ипполит Иосафат отправился навстречу отряду подполковника Траугутта, известного также как кобринский отряд, недалеко от Городца и Антополя. Добравшись до повстанцев, Ипполит должен был отпустить коня домой, это было сигналом того, что его путешествие благополучно завершилось. Отец прождал всю ночь, и уже на рассвете услышал тихое ржание у ворот».

Вступив в кобринский отряд, Ипполит Иосафат взялся за выполнение миссии, когда Траугутт искал добровольцев для наблюдательного поста, которые бы предупредили отряд о приближении врага. Траугутт не отдавал приказаний о выполнении этого задания ни одному из бойцов, т.к. оно было крайне опасным. Ипполит Иосафат вызвался сам и с честью выполнил эту миссию. В результате засады у деревни Хорьки недалеко от Кобрина 1 мая 1863 г. отряд одержал победу в сражении.

Еще один факт, который запомнился Марии, это то, что каждый год Ипполит Иосафат заказывал церковную мессу в память о своем погибшем друге Франциске. Однажды бойцы кобринского отряда Ипполит и Франциск стояли и беседовали, когда внезапно в лесу раздался выстрел, и Франциск упал, сраженный пулей. Отрядный медик Флорентий Ожешко, с отличием окончивший петербургский Имперский медико-хирургический институт в 1861 г., был не в силах помочь. Два месяца спустя отряд потерпел крупное поражение в деревне Колодно, после чего Траугутт провел две недели в поместье Петра Ожешко в деревне Людвинов. Затем Элиза Ожешко на своей повозке отвезла подполковника к польской границе, откуда он уже самостоятельно отправился в Варшаву. Отряд распался, а Ипполит вынужден был скрываться.

Несмотря на это, осенью 1863 г. он был арестован, помещен в тюрьму города Гродно и приговорен к пожизненному поселению в Сибири. 15 октября 1864 г. он прибыл в Бийск, где обнаружил польских поселенцев, включая университетского профессора Калиновского. Иосафат, будучи членом благородной семьи, проделал свой путь в Сибири с относительным комфортом в повозке, запряженной лошадьми. Дорога не показалась ему утомительной. Он и его компаньон Брандт позднее в шутку делились планами о том,

чтобы еще раз проделать это путешествие за счет царской казны.

В Бийске поляками был организован кружок самообразования. Максимилиан помнит толстую, исписанную тетрадь, в которую его отец записывал систематически посещаемые им лекции по истории. Лекции давали Брандт, Павлюц, Вилановский, Янковский, Владислав Корбутт, доктор Михаловский и К. Гадомский. Ипполит Иосафат служил в Бийске секретарем суда с ежемесячным жалованием в шесть рублей. Он делил жилье с Павлюцем. Оплата за проживание, питание и стирку (без учета стоимости чая) составляла четыре рубля в месяц.

Он прожил там до момента высылки всех переселенцев из Бийска после городского пожара, затем переехал в одну из деревень недалеко от Томска, где получил должность кассира на Иннокентьевской винокурне. В результате продвижения по службе примерно в 1868 г. он становится инспектором Исаевского завода в Барнауле. Сам Исаев, по свидетельству Ипполита Иосафата, был дружески расположен к полякам, и участники польского восстания 1863 г. получали от него немалую поддержку.

В Барнауле Ипполит Иосафат встретил Екатерину Чердынцеву 1850 года рождения, дочь армейского офицера Петра Чердынцева. Пара поженилась в Барнауле в 1875 г.

В то время многие представители интеллигенции в Сибири изучали польский язык. Эта необычная тенденция возникла из-за того, что образованные переселенцы, чтобы как-то выживать, устраивались учителями и гувернерами в зажиточные русские семьи, но т.к. закон это запрещал, они числились поварами и подручными работниками. Екатерина Чердынцева была примером такой тенденции. Все вышеназванное, а также то, что она глубоко сочувствовала трагической истории поляков, стало причиной того, что они разговаривали дома по-польски, в то время как на работе и на учебе говорили по-русски. В их семье было девять детей, и Барнаул стал их семейным гнездом.

В целях сохранения польской культуры Андроновские выписывали различные польские журналы. Они были одной из немногих барнаульских семей, имеющих дома польскую библиотеку. Они делились книгами и проводили дискуссии с друзьями и знакомыми, в основном русскими и польскими политическими ссыльными, также некоторыми из немногочисленной местной русской интеллигенции.

В 1890 г. Ипполит Иосафат приобрел у другого ссыльного Франциска Городко не-

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА АЛТАЕ В XIX В.

большую винокурню «София», расположенную в Томске. В 1890-х гг. он также купил у бывшего повстанца Яна Карасимовича пивоварню в Барнауле. Был избран почетным членом барнаульской городской думы, оказывал организационную и финансовую поддержку местному комитету католической церкви.

С 1884 г. был членом Общества попечения о начальном образовании, основанном по инициативе политического ссыльного В.К. Штильке 7 октября того же года. 16 марта 1905 г. Ипполит Иосафат с тремя сыновьями организовал торговый дом «И.И. Андроновский и сыновья». Это произошло за несколько месяцев до смерти Ипполита Иосафата. Их бизнес процветал – было открыто несколько точек торговли пивом, им принадлежал ресторан «Метрополь», расположенный в здании сегодняшнего дворца бракосочетаний.

В молодости Ипполит Иосафат носил прозвище «Монах», в зрелом возрасте он также оставался верен своим привычкам и, несмотря на значительное состояние, вел скромный образ жизни. Он никогда не употреблял алкоголь, был умерен в еде, не ел мяса, поражаясь тому, как люди ради утоления голода могут убивать божьих тварей. В течение всей жизни сохранял хорошее здоровье. Сохраняя любовь к лошадям, что так естественно для поляков, он держал табун лошадей. Ипполит обожал цветы и сады, и возле его дома был разбит знаменитый сад сирени. В доме жили канарейки, которые так привыкли к Ипполиту, что без страха садились ему на голову и руки.

В те годы барнаульское общество было многонациональным. Золотая и серебряная лихорадка привлекла сюда множество немецких поселенцев. Встречались и французы. Поляки, многие из которых были ссыльными, составляли лишь 2–3 % от общего населения, однако сыграли немаловажную роль, привнося новшества в архитектуру, производство и т.д. Большинство польских ссыльных, селившихся в городах, были представителями высших слоев общества, они имели образование, изучали иностранные языки, были знакомы с миром поэзии, литературы и музыки. Их охотно брали в качестве учителей и гувернеров в богатые русские семьи, и польский язык стал популярен в высших слоях местного общества. Екатерина, будучи рожденной в русской православной семье, говорила по-польски, что помогло сохранить польский язык в семье, которую она создала с Ипполитом Иосафатом.

После амнистии 1883 г. Ипполит Иосафат отправился в Литву, чтобы проследить за

реставрацией своего дома. Затем он снова приезжал в Андронов в 1892 и 1895 гг. После того, как в 1898 г. Транссибирская железная дорога достигла Новониколаевска, они часто посещали вместе с детьми Польшу и другие европейские страны, например Италию.

Хотя предки Ипполита Иосафата были долгожителями, сам он прожил только 65 лет и умер 17 сентября 1905 г. в Барнауле. Умирая в Сибири, он хотел быть похороненным в Кобрине, и дети исполнили его волю. Могила Ипполита Иосафата находится в Кобрине на Новом кладбище за железнодорожной веткой на правом берегу реки Мухавец.

Третий ребенок Ипполита Иосафата Максимилиан, рожденный 28 октября 1883 г., был моим дедом. Он окончил школу в Барнауле, затем учился в Томском техническом институте, а впоследствии в 1903–1907 гг. – в Краковском Ягеллонском университете, где изучал гуманитарные дисциплины, а также сельское хозяйство.

По возвращении в Сибирь в 1914–1916 гг. служил председателем Польского Сибирского банка. В 1922 г. он покинул Сибирь и отбыл в свое поместье в Литве. Он женился на дочери Нарцисса Войцеховского Михалине. Их сын и мой отец Ипполит Эдвард родился в Варшаве в 1924 г.

Польские переселенцы, особенно те, кто нажил некоторое состояние, периодически встречались в главном городе губернии Томске, где проживали Петр и Флорентий Ожешко, члены семьи известной литовской писательницы польского происхождения Элизы Ожешко.

Братья оказались сосланными за участие в Январском восстании 1863 г. Флорентий и его невеста пешком в течение полутора лет добирались до Сибири. Томский дом семьи Ожешко на улице Миллиона, 38 был одним из главных мест, где ставили спектакли, читали стихи, пели патриотические песни, слушали музыку, общались и вращались в обществе. Там бывали не только поляки, но также русские и немцы. Именно там познакомились Ипполит Иосафат Андроновский, Нарцисс Войцеховский и Владислав Корженёвский. Полагаю, что дочери Йохана Шерзингера Эмма и Линда познакомились там со своими будущими мужьями.

Рассказывая историю нашей семьи по материнской линии, мне хотелось бы упомянуть Нарцисса Войцеховского, который родился в Зероке в 1846 г. В начале 1865 г. он был брошен в тюрьму за участие в Январском восстании, в течение 9 месяцев подвергался допросам в камерах X павильона Александровской (Варшавской) Цитадели. Его пе-

реезд в Сибирь был не таким комфортным, как у Ипполита Иосафата – его привезли закованным в кандалы. Пунктом конечного назначения был Красноярский край (Енисейская губерния), где он провел несколько лет в селе Сагайское неподалеку от Минусинска, прибыв туда 27 апреля 1867 г.

В 1870 г. он стал начальником Мариинского стекольного завода Серафима Гусева в селе Знаменка. Он жил на заводе, получая в месяц 25 рублей серебром, что было немалой суммой, но при этом работал по 20–21 час в сутки. Спустя четыре года он переехал в Минусинск (с населением около 5 тыс. человек), где получил работу в Варшавском магазине Яна Прендовского. Впоследствии магазин перешел к Владиславу Корженёвскому, после того как прежний хозяин вернулся в Польшу после амнистии.

В 1876 г. Нарцисс стал главным управляющим комплекса предприятий Гусева.

Когда началась золотая лихорадка, Нарциссу и его деловым партнерам удалось собрать сумму, достаточную для ведения собственных раскопок.

В детстве отец рассказывал мне о том, как дед вез в санях золотой самородок размером с человеческую голову, отстреливаясь от волков из двух пистолетов, которые он прятал в рукавах шубы. В августе 1885 г. Нарцисс вместе с семьей переехал в Минусинск, где он приобрел дом на углу улиц Петра Великого и Белорусской. Католическое население было на 90 % представлено поляками. В то время он был совладельцем золотодобывающего рудника и имел солеваренный завод в районе Абакана в 60 км от Минусинска.

Войцеховский принимал участие в общественной жизни Минусинска, в 1885–1911 гг. заседал в городской думе. Его минусинский дом, который сегодня находится по адресу ул. Ленина 107, стал местом встречи русских и польских ссыльных, живущих неподалеку или вновь прибывающих в Сибирь. Войцеховский избирался депутатом минусинской городской думы, был председателем общества образования, попечителем сельскохозяйственного общества, почетным попечителем городской школы и членом музейного комитета. Когда он умер, в местной газете «Труд» вышел некролог, где Войцеховский описывался как выдающаяся личность. Он был честным человеком, не имел склонности к политике, всегда выражал свое мнение честно и открыто, внес значительный вклад в развитие города.

Его дочь и моя бабушка Михалина училась в московской консерватории и в 1913 г. стала преподавателем музыки. В Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова по сей день хранятся книги, подаренные местными жителями. Среди них есть 10 книг с подписью Эммы Войцеховской.

Владислав Корженёвский родился в 1841 г. Его семья была родом из Волыни, где им принадлежало поместье Кнерути. Будучи студентом четвертого курса математического факультета, он принял участие в Январском восстании, был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь. Спустя несколько лет в ссылке он приобрел магазин, где и познакомился с Нарциссом Войцеховским, работавшим там. Вскоре они стали деловыми партнерами и совладельцами магазина.

Супругой Корженёвского была Лидия Шерзингер (сестра Эммы), родившаяся в Томске в 1855 г. После того, как они поженились в 1877 г., в их семье родился сын Станислав и дочери Ванда и Мария-Марианна. Станислав и Марианна вступили в брак с детьми Войцеховских.

История этих трех семей служит типичным образцом того, как жили ссыльные и как складывались их отношения с местным населением. В силу того, что ссыльные зачастую были выходцами из высших слоев общества, оказавшись в ссылке, они устанавливали контакты с людьми, имеющими такое же положение в русском обществе. Поэтому неудивительным является тот факт, что немцы-католики и православные русские создавали семьи со ссыльными поляками-католиками. В результате мой отец является наполовину поляком, на четверть немцем и на четверть русским.

Он свободно владел русским, белорусским и польским языками. Фактически все мои предки со стороны отца, которых я помню, свободно говорили по-русски и писали по-польски, используя русские буквы. Я помню, как вечерами семья пела красивые русские песни под гитару и пила чай из самовара. Ссылка в Сибирь и наказание, фактически послужили почвой для создания обширных социальных и культурных международных связей, которые и по сей день существуют между нашими семьями.

Андроновский Адам – доктор медицины
г. Садбери, Канада

Перевод А.В. Кремневой

RUSSIAN-POLISH-GERMAN SOCIAL AND CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE LIGHT OF MY FAMILY'S HISTORY I N ALTAY IN THE XIX CENTURY

Adam K. Andronowski
Sudbury, Canada

In the 19th century Siberia was envisioned by many people as a wild, huge, and inhospitable place for exiles and criminals, in the light of my family history Siberia became a place of flourishing family life and cultural and social interaction with the local people. Polish insurgents, exiled as a punishment for participating in the Uprising of January 1863 to Siberia, brought into this area intellectual wealth that was highly appreciated by the natives and the Russians as well. This legacy exists even today.

Key words: Altay, Siberia, Polish exiles, revolt, settlers

“On the right high bank of a magnificent Siberian river – Ob – a fair sized provincial city has grown: Barnaul; at the time of my presence there, the city counted some 30,000 inhabitants.” Those are words Maria Andronowska, oldest sister of my grandfather, Maksymilian Andronowski, used at the beginning of her memoirs describing the Siberian part of her life.

In XIXth century Siberia, a part of Russian Empire, lay a vast area to some degree independent of central administrative powers and still developing its social, economic and cultural fabric. These lands were conquered by Cossacks for the Russian tsar in XVI–XVII centuries starting with Yermak's expedition. Over the next centuries, expansion continued. The borders were advanced through expeditions led by V.J. Bering, I.G. Gmelin, G.F. Miller, P.S. Pallas and F.P. Wrangel. The ethnic composition of Siberia was complex. Its aboriginal inhabitants were in a significant minority, while Russians constituted the majority. Several other ethnic groups were represented there, most notably Germans, Poles, Jews and others. For hundreds of years, in order to populate those desolated areas, tsars sent criminal and political convicts there. The predominant ethnic group amongst the political exiles, other than Russians, were Poles, whose fierce drive for independence lead to several uprisings. In the aftermath of 1863 January Uprising around 20.000 Poles, majority of noble families with considerable education, were forcefully settled in Siberia. Although local people in Siberia were heavily indoctrinated by the anti-Polish propaganda, the settlers' attitude, hard work and honesty won the hearts of the

locals. The paucity of educational and cultural institutions in Siberia created a strong desire and demand for contacts with sophisticated people. The Russian intelligentsia in Siberia, like nowhere else in the Empire, acquired knowledge of Polish language, music and literature. An excellent example of the esteem some exiles attained is a case of Minusińsk's Duma rejection of the Governor's order prohibiting Narcyz Wojciechowski from holding an important administrative position. This shows how people of different ethnic backgrounds, despite heavy indoctrination, will cooperate for their own societal benefit.

Maksymilian Andronowski's father, Hipolit Józefat, was a member of a Polish family whose history started at the battle of Grunwald of 1410. According to the family legend, our ancestor was a Czech mercenary, who for his valor in the battle was awarded land and a village called Andronów. Initially, the family bore the name Czechowicz (i.e., one from the Czech), by in time, it acquired name Czechowicz-Andronowski (i.e., Czechowicz from Andronów). Later on, the original Czechowicz was dropped and Andronowski has remained as the only last name since XVI century. At the battle of Vienna in 1683, a Christian European army under the command of Polish King Jan III Sobieski fought against the invading Muslim Ottoman Empire. In this battle, Colonel Jan Kazimierz Andronowski was recognized for his skilful defense of a bridge on Danube river. The more recent history brings us to January Uprising of 1863. Hipolit Józefat Andronowski (born on 2nd January 1840 in Andronów), as a 23 years old man joined

Romuald Traugutt's Party fighting for Polish independence.

Maksymilian remembers his father's recollections: [1; p. 22]: in order not to bring consequences home, Hipolit Józefat hid at the neighbouring estate. He has been living for the last six months at Nowomiejski's estate when in March 1863, the uprising reached Lithuania. Hipolit Józefat decided to participate in the fight. One night, with help of his father, Ignacy (to keep things secret, but without the help of servants) saddled his horse and rode off to meet the Colonel Traugutt Party (also called Kobryń Party) in the vicinity of Horodec and Antopol. Once he was safe with the insurgents, he was to let the horse go back home alone, in this way signalling his successful journey to join the fighters. His father waited almost all night for the horse, and finally, at first light, the horse whinnied at the gate.

Once with the Kobryń Party, Hipolit Józefat signed up for a mission behind the enemy lines when Traugutt was looking for volunteers to be on a lookout and warn the Party about an enemy approach. Traugutt did not assign any soldier for the job since this mission was so dangerous as to be almost suicidal. Hipolit Józefat offered himself and fulfilled the mission very well. On 1st of May 1863, the Party fought a victorious battle with the Russian soldiers. It was a successful ambush at Horki village, in vicinity of Kobryń.

Another episode Maria vividly remembered about Hipolit Józefat that every year, in commemoration of the death of his friend Franciszek, he would order a church mass for friend's soul. While in Kobryń Party, Hipolit and Franciszek, one day stood side by side in the forest talking, when suddenly, Franciszek fell to the ground, hit by a rifle bullet. Florenty Orzeszko, a Party's doctor (who graduated with distinction from the Imperial Medico-Surgical Academy in Petersburg in 1861) was not able to help. Two months later, at Kołodno, the Party lost a major battle. After the battle, Traugutt remained for two weeks at Piotr Orzeszko's estate, Ludwinów. From there, the colonel was driven to the Kingdom of Poland's border (Congress Poland) by Eliza Orzeszko in her carriage and then continued on his own toward Warsaw. The Party was dissolved. Hipolit Józefat again hid away from the house. Despite that, in the fall of 1863, he was arrested and imprisoned at Grodno castle. He was sentenced to life exile in Siberia. He arrived to Biysk on 15 October 1864, where he found around 500 Polish exiles, former January insurgents, including a university professor Kalinowski. Biysk at that time was a part of Altay Oblast, a

section of crown lands. Hipolit Józefat, as a member of a noble family, traveled to Siberia on a horse drawn vehicle in relative comfort. He recalled the voyage as a pleasant experience. Him and his companion, Brandt, joked thereafter about devising a plan to have the voyage repeated at the tsar's expense.

In Biysk, the Poles established a scientific circle. Maksymilian recalls seeing a thick, hand written history notebook as his father was attending the lectures systematically. The lectures were given by Brandt, Pawluc, Wilanowski, Jankowski, Władysław Korbitt, doctor Michałowski and K. Gadomski. Hipolit Józefat worked in Biysk as a court scribe with a monthly salary of six roubles. He shared accommodation with Pawluc. The cost of rent with meals (without the tea) and laundry was four roubles a month. Hipolit Józefat lived there until all of the exiles were expelled from Biysk, as the tsar did not wish to have any of those people on crown land. After four years in Biysk, he moved to a village close to Tomsk where he worked as cashier at Innokientiewskaja Distillery. He advanced through the ranks and became supervisor at Isajew's plant in Barnaul around 1868 (Isajew himself was very friendly toward Poles according to Hipolit Józefat and the January insurgents received from Isajew a lot of support). While in Barnaul, he met Ekaterina (Katarzyna) Czerdyncew (born 1850), a daughter of Imperial Army officer Piotr Czerdyncew and his superior in the company for which they both worked. The couple married in 1875 in Barnaul.

During this time in Siberia many of the Russian intelligentsia have learned the Polish language. This unusual trend resulted from a high level of education among the exiles who, to survive, served as teachers, governors etc. for affluent Russian families, but because of suppressive law, they had to be hired in phony positions such cooks or labourers. Katarzyna Czerdyncew was one of the examples of this trend. These facts, and also her deep sympathy for tragic Polish history, were reasons why the family talked Polish in the house while in everyday life at work, school and institutions, they spoke Russian. They had nine children. . Barnaul became the family's nest.

To nurture the Polish culture Andronowskis subscribed to several Polish papers and Maksymilian recalls the names of many: Kłosy, Tygodnik Ilustrowany, Wędrowiec, Słowo, Przyjaciół Dzieci, Wieczory Rodzinne, and Bluszcz. The family was one of the few in Barnaul, that had a Polish library in the home. They shared the books and literature and held

RUSSIAN-POLISH-GERMAN SOCIAL AND CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE LIGHT OF MY FAMILY'S HISTORY IN ALTAY IN THE XIX CENTURY

discussions with all of the friends and acquaintances, mostly political Russian and Polish exiles with a small addition of local Russian intelligentsia who were sparse on this terrain.

Hipolit Józefat acquired a small distillery called Sophia in Tomsk from another exile, Franciszek Horodko in 1890 [2; p. 16-18]. In 1890's he bought a brewery in Barnaul from a January insurgent Jan Karasimowicz. Hipolit Józefat was elected a senior member of Barnaul City Duma. He supported Catholic Church Committee organizationally and financially. From 1884 Hipolit Józefat was a member of The Primary Education Care Society – an organization founded October 7th that year by deportee V.K. Shtilke [3; p. 128]. Few months before his death, on 16th of March 1905, Hipolit Józefat and his three sons established merchant's house, H. J. Andronowski and Sons [4]. The business flourished: several beer selling points were build; the company owned a restaurant called Metropol. This building today houses Weddings' Palace in Barnaul.

Hipolit Józefat as a young boy had a nickname, "Monk". That proved to be a good description of his adult life: he led a modest life despite a sizable wealth he accumulated. He never drunk alcohol; ate in moderation; disliked meat; and was amazed, how people could kill animals, God's creations, just to satisfy the hunger. He remained healthy all his life. With a love of horses, so ingrained in a Polish way of life, he had a horse herd. He also loved flowers, gardens, and an orchard. Around the house, there was a famous lilac garden. In the house, he kept canaries, which were so accustomed to him they would sit on his head and hands.

At that time, social life in Barnaul was very international. The gold and silver rush brought in scores of German settlers; as well some French arrived. Many Poles came in as exiles and although they constituted only 2–3 % of the population, they played an important role in bringing modern methods of agriculture, manufacturing etc. The majority of Polish exiles who settled in cities were from higher levels of society: they were well educated; versed in foreign languages; and acquitted with world poetry, literature, and music. They were sought after as teachers or governors to the wealthy Russian families and the Polish language became popular in higher levels of local society. Katarzyna, although she came from an orthodox Russian family, also spoke Polish and this helped to preserve Polish language in the family she started with Hipolit Józefat.

After amnesty of 1883, Hipolit Józefat traveled in 1887 to Lithuania (Litwa), – the name of this part of Poland then – and supervised renovations of his house. He visited Andronów again in 1892 and 1895. After the Trans-Siberian Railway reached Novonikolajevsk in 1898, he often travelled with children, visiting Poland and other European countries, for example, Italy.

Although he came from a long living family, Hipolit Józefat died at age of only 65 on 17 September 1905 in Barnaul. He died in Siberia but he wished to be buried in Kobryń and his children carried out this wish. His grave is located in Kobryń, in the New Cemetery, past the train tracks on the right bank of the Muchawiec River.

Hipolit Józefat's third child, Maksymilian, born on the 28th of October 1883, was my grandfather. Maksymilian underwent basic schooling in Barnaul; thereafter, he studied at the Technological Institute in Tomsk and subsequently at Jagiellonian University in Cracow. There, he studied in the Philosophy Department with special attention to the Agricultural Sciences in years between 1903 and 1907. After returning to Siberia, in years 1914–1916, he served as a chairman of Polish-Siberian Bank. During the Russian civil war of 1917, he joined the Polish 5th Siberian Rifle Division. After a tragic battle at Klyukvennaya train station (now Uyar), several kilometers east of Krasnoyarsk, he was imprisoned. He was released from the prison camp in 1921 after spending nine month there. In 1922, he left Siberia for his estate in Lithuania. He married Michalina, daughter of Narcyz Wojciechowski. Their son, Hipolit Edward, my father, was born in 1924 in Warsaw.

The Polish exiles, especially those who attained some wealth, met intermittently in a main city of the oblast, Tomsk. There lived Piotr and Florenty Orzeszko, family members of Eliza Orzeszko, a famous Polish writer from Lithuania. The brothers were exiled for participation in the January Uprising. Florenty, accompanied by his fiancé, came to Siberia on foot: it took them 18 months to get there. The Orzeszko family was affluent and their house in Tomsk (present address Milionna street No. 38) served as one of the main places people would meet to play theatrical spectacles, listen to declamations of poetry, sing patriotic songs, listen to music, discuss and mingle. Not only Poles attended those meetings; many Russians and Germans came. There, Hipolit Józefat Andronowski, Narcyz Wojciechowski and Władysław

Korzeniowski were acquitted. I believe Johann Scherzingier's daughters, Emma and Lidia, have met their future husbands there.

Let me turn now to my maternal family story with Narcyz Wojciechowski who was born in Serock in 1846. He was son of Józef, a fighter of 1792 war against Targowica's confederation. His mother, Waleria Zaborowska, was a daughter of a fighter of 1831 November Uprising (She was born in 1825 and died in 1904 in Krasnoyarsk.). As a young boy in Poland, Narcyz was educated to become an organ player and finished the school in 1862. He was hired as a teacher and organ player in the local church in the village of Jelonki. He and his brother Stanisław joined the January Uprising and fought in Płock County. He was arrested in the beginning of 1865 and endured nine months of interrogations in X Pavilion of Alexander's (Warsaw) Citadel. On 11th of October 1866, he and his friend, Mateusz Przepiórowski were sentenced by the Polewoj Auditoriat Wojsk w Carstwie Polskom to life exile in Siberia. Narcyz family lost its nobility as a punishment for the 1792 fight; therefore, Narcyz traveled to Siberia in much less comfortable conditions than Hipolit Józefat – he was shackled. The way to Siberia took its toll on him – he got tuberculosis and for the rest of his life had a chronic nasal drip.

His destination was Krasnoyarsk area and initially he lived in Sagajskoje village close to Minusińsk. He arrived there on 27 April 1867. At that time, he worked as a labourer at construction of Ilia Mitrofanow's house. During winter months, he made cigarettes by hand for profit. During summer months, he cut hay, made hemp ropes and sold them at the bazaar. Later, because of his abilities and education, he became a scribe's helper for four villages and was moved to Kochergina. In 1870, he became a manager at Serafim Gusiev's glass factory in Mariinsk (now the factory is called Znamenka). He lived at the factory. His salary was 25 silver roubles per month – a handsome sum but he put in 20–21 hours of work a day. Four year later, he moved to Minusińsk (population around 5,000) where he worked in the Warsaw Store run by Jan Prendowski. Władysław Korzeniowski bought this store when previous owner, after the amnesty, moved back to Poland.

In 1876 Narcyz became a general manager at Gusiev's complex of factories. During next eight years, he lived and worked at the factory in Mariinsk.

With the gold rush going on, he and his business co-investors gathered enough money to start their own diggings. The efforts did not

bring success – he lost 17,000 silver roubles. Not deterred, he borrowed additional 2,000 and struck the vein: paid off the debts and came out with net profit of 6,000 silver roubles.

I remember, as a child, my father telling a story about grandfather driving the sled, carrying a gold nugget human head size and tending off the wolves with a pair of pistols hidden in loose sleeves of his fur coat.

In August of 1885, Narcyz moved with the family to Minusińsk where in 1888 bought a 6-room house on the corner of Peter the Great and Bieloruskaja streets (the hand drawn – by Maria, his daughter - plan of the house is in a Białystok museum). The city had around 7,000 inhabitants and 1,000 wooden houses. The Catholic population, mostly Polish, was 90 person strong [5]. At that time, he was a co-owner of a gold mine and an owner of "salina" – a desalination plant close to Abakan on the shores of Kyzyl-Kul Lake in Khakass steppe, 60 km from Minusińsk. The same year, he visited Poland for the first time. Narcyz withdrew from the business at the end of his life and established Trade House of Narcyz Wojciechowski and Sons, with his sons being the owners.

Family life for Narcyz started in 1877 when he married Emma, Johann Scherzinger, a German emigrant and a Tomsk jeweller and watch shop owner, who settled in Siberia after acquiring a substantial inheritance. The couple moved to Minusińsk after years spent on the factory side. They had nine children; one of the daughters, Michalina, was mine grandmother. Another daughter Maria, after many years, described the father in this way: he was taller than average man, his posture a little bent over, and physically he was very strong. His head was like an eagle's head with blue eyes, which turned steel blue when in anger or threat. He always had a beard and a moustache a la Mazur. People respected him. Narcyz wrote about himself that he had always liked music and had had a good and pleasant voice. He played the organ and the violin. He was impetuous and short-tempered, and never had too much patience. When he died, a local newspaper, *Trud*, published an obituary[6] describing him as a prominent figure of authority. He was crystal clear, without any political inclinations. He always stated his opinions honestly and openly. Narcyz contributed generously to city development.

Narcyz sons' education started at the Minusińsk School and continued in Tomsk, Moscow and Lwów. His daughters were also educated in the same school in Minusińsk.

Maria, his daughter mentioned at the beginning of the presentation, finished 7th grade there in preparation for further studies in Moscow. Bolesław, one of the sons, finished the Moscow Conservatory and became well-known baritone who visited Minusińsk for concerts on several occasions. Bolesław's younger sister, Michalina (my grandmother), also attended the Moscow Conservatory. In 1913, she became a music teacher.

Narczyz Wojciechowski became involved in life of Minusinsk, participating in the city Duma from 1885 to 1911. His house in Minusińsk became a meeting point for Polish and Russian exiles living in vicinity or arriving in Altay. On important Catholic holidays, a priest would come from Krasnoyarsk and stayed in the house. During his visit, he would serve mass in an ad hoc home chapel and would attend to parish matters. The current address of the house is Lenin Street No. 107.

Even when Wojciechowski lived in Krasnoyarsk (1899–1906), he was very interested in Minusińsk's affairs where he served on several organizations boards. He was elected a deputy of the Minusińsk City Duma, was a chairman of the educational society, a trustee of the agricultural society, an honorary guardian of the town school and a member of the Museum Committee.

Nicolas Martianow, a pharmacist who arrived to Minusińsk, spoke Polish since his mother was Polish. He quickly became interested in collecting local artefacts and with the organizational and financial help of the Museum Committee, a well-renowned institution came into existence: Martianow's Museum. The Museum to this day contains several books donated by local families. Among them there are 10 books bearing a hand written signature of Emma Wojciechowska. Martianow's wife was giving music lessons to Wojciechowski's children.

In 1911 Narczyz decided to move to Poland, but the unstable military and political situation diverted the family to Moscow and later back to Minusinsk. At the end of his life, Narczyz wrote his memoir. The original was donated to Martianow Museum in 1970's by his granddaughter, Halina Wojciechowska, who was visiting the area of her childhood years. His last visit in Poland was in 1913 to celebrate 50th anniversary of the January Uprising. Narczyz Wojciechowski died on 13 January 1919 in Tomsk at age of 73. His wife, Emma, died in 1923 and is buried in Minusinsk.

A Polish writer, Igor Neverly, once came upon a copy of the memoirs and after

familiarizing himself the family history and finding commemorative plaques of Wojciechowski, Andronowski and Korzeniowski at the Powązki cemetery in Warsaw, he wrote a book loosely based on the memoirs. This book was published in 1986 with the second edition printed in 2008.

Władysław Korzeniowski was born in 1841. His family originated in Wołyń – part of Poland lying south of Lithuania (Litwa) where they owned an estate called Kneruty (in Mysłów county, close to Dubno and Równe). He studied mathematics at Kijov University. Władysław was a fourth year student when he participated in the January Uprising. His brother, Jerzy, also took a part in the fight but was wounded and died in 1867 while imprisoned. Władysław was captured and sentenced to exile in Siberia. The estate was confiscated; nevertheless, his parents were helping him financially sending the money to Siberia. After some years in exile, he bought a general store from another Pole. In this store, he met Narczyz Wojciechowski, who worked there. Soon they became a business partners and co-owners of the store. Władysław, having a more philosophical approach to life than business-oriented Narczyz, withdrew from the corporation, but they remained close friends.

Korzeniowski's wife was Lidia Scherzinger (Emma's sister, she was born in 1855 in Tomsk to Victor Scherzinger and Jacobina Schwarze). They married in 1877. She died 1935 in Brześć Litewski; her grave is in Kobryń at the Catholic cemetery. Their oldest child, daughter Lidia, became a physician, and finished her medical education at the Moscow University, one of the few universities accepting women at that time. After her studies, she worked for the poor labours in taiga where she became infected with typhus and died in 1922. They also had son Stanisław and daughters Wanda and Maria-Marianna. Stanisław worked at Martianow's wife pharmacy. Stanisław and Maria took Wojciechowski's children as wife and husband, respectively.

The story of these three families typifies life among the exiles and also illustrates how these exiles became closely connected with local inhabitants. Because the exiles came from among the higher classes within society, they automatically sought contacts with counterparts in local Russian society. Not surprisingly then, marriages occurred between Catholic Germans (Scherzinger sisters) and an Orthodox Russian with Catholic Polish exiles. As a result, my father was ½ Polish, ¼ German and ¼ Russian. He spoke fluently Russian, Byelorussian and Polish. In fact, all of my ancestors from my father's side (whom I remember) spoke Russian

fluently and wrote in Polish using some of Russian letters. I remember evenings when, with a guitar accompaniment, family members sang beautiful Russian songs and drank chai tea from a samovar.

Exile to Siberia, a punishment, in fact created a rich social and cultural mingling of our people that survives today among our families.

REFERENCES:

1. Andronowski, M. Ze wspomnień ojca, powstańca 1863 r. Sybiraka/ M. Andronowski. //Sybirak. – 1938.– No. 1–2 (14) –. P. 14–23.

2. Skubniewski W. Polacy w administracji i gospodarce Altaju w XYIII-pocz. XX wieku/W. Skubniewski. // Wrocławskie Studia Wschodnie – 2009. –. № 13. – P. 9–20.

3. Nikulina I.N. Political exile to Altai in XIX century/ I.N. Nikulina // Grand Altai Research and Education.-Issue 2. – 2015 –. P. 128–137.

4. Ostrowski L. Wkład Polaków w rozwój i przemysłowe zagospodarowanie Syberii/ L. Ostrowski. // Zeslaniec.pl/16

5. Leończyk S. .Nekropolia polska w Minusińsku / S. Leończyk // Rodacy na Syberii. – 2003. – No. 2(22).

6. Trud. – 1919. – No. 159. Minusinsk

7. Narcyz Wojciechowski memoirs

8. Maria Korzeniowska memoirs

9. Personal communication